предшествующей всей остальной, изумительной в художественном отношении, росписи церкви. Позднейшая роспись на месте этой первоначальной алтарной фрески «Поклонение жертве» повторяла ту же самую сюжетную композицию. Не говорит ли это о том, что все содержание волотовской росписи было задумано целиком еще при самом основании церкви, как единая идейная программа. Вдохновителем этого идейного целостного замысла мог быть архиепископ Моисей, основатель Волотовской церкви и ярый борец с ересью стригольников. По неизвестным нам причинам, может быть по причине неудовлетворенности мастером, который, судя по выполненной им в алтаре фреске, большим художественным дарованием не обладал, завершить начатую роспись не удалось. Осуществить фресковую роспись Волотовской церкви довелось преемнику Моисея, архиепископу Алексею. Нет ничего невероятного в том, что весь идейный комплекс волотовской росписи целиком повторял первоначальный замысел. Алексей в архиепископство Моисея был ключником «дома Софии», работал в контакте с Моисеем, вероятно, разделял его взгляды и в свое архиепископство был прямым продолжателем идейной политики своего предшественника. Гениальный мастер волотовской росписи явился блестящим выполнителем данного ему задания, а страстность и темпераментность, с которыми осуществлена роспись, показывают лишь, что художник был убежденным единомышленником патронов церкви.

Бурная взволнованность волотовских фресок отмечалась не раз. В. Н. Лазарев пишет: «Самая характерная черта волотовской росписи — это страстная взволнованность ее образов. В них есть что-то резкое, стремительное, они все пронизаны бурным, не знающим удержу движением».[93] Не менее сильно подчеркивается общая взволнованность волотовской росписи в книге Б. В. Михайловского и Б. И. Пуришева. Авторы неоднократно говорят о «внешнем и внутреннем динамизме», «бурном порыве», «экстатическом характере» фресок.[94]

Нет сомнения в том, что вся эта «страстная экстатичность», «бурная взволнованность» волотовской росписи вызывалась полемической направленностью ее содержания, стремлением доказать, защитить, провести в жизнь определенную идею. Что волотовская роспись была одержима единой, целостной идеей, признавалось исследователями. М. В. Алпатов видел в ней воплощение мысли о периодическом посещении божеством людей, достигших просветленности духа и способных с достоинством принять минуты внутренних озарений.[95] Некоторая отвлеченность подобного истолкования вызвала упрек В. Н. Лазарева[96] в неисторичности, субъективизме и несоответствии традиционной догме. Однако, исходя из идейного содержания волотовской фрески «Премудрость созда себе дом», можно было бы истолковать замысел всей росписи более конкретно, жизненно и в рамках исторического момента. Основная идея этой фрески — идея новозаветной искупительной жертвы, связанной с вочеловечением второго лица Троицы — Логоса через телесный храм ее — деву Марию и спасительного действия евхаристического таинства, — является прямым ответом новгородским еретикам на их «книжные мудрствования» и развернутой апологией основного догмата христианского вероучения

---

[93] В. Н. Лазарев Феофан Грек и его школа, стр. 59

[94] Б. В. Михайловский и Б. И. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи со второй половины XIV в. до начала XVIII в. М—Л, 1941, стр. 24—25

[95] См. М В. Алпатов. Фрески храма Успения на Волотовом поле, стр. 122—123

[96] См. В Н Лазарев Феофан Грек и его школа, стр 58—59